

і продовжували використовувати в обрядах. Вірогідно, вона застосовувалась тут для уливань, оскільки вони відігравали значну роль в цьому культі.

Привертає увагу, що присвята зроблена від імені жінки, яка носила теофорне ім'я АРТЕМЕ і могла бути жрицею Матері богів. В архаїчний час в епіграфіці Північного Причорномор'я власні імена Артеміда і Гіпасій відсутні.

До цього часу на Західному теменосі, де відкрито святилище Матері богів⁶, ще не було знайдено такої ранньої присвяти цій богині. Значна частина маркірувальних графіті з її святилища належала до першої половини V ст. до н. е. Нарівні з архаїчними рельєфами з зображенням Матері богів розглянутий кратер є новим яскравим свідченням про існування її святилища в середині VI ст. до н. е. і значення цього культу в духовному житті перших ольвійських поселенців.

Примітки:

¹ Див. детальний опис цього типу грецького посуду: *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики.— М., 1953.— С. 42.— Рис. 48; *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже.— Л., 1983.— № 60; 87; *Langlotz E.* Griechische Vasen in Würzburg.— München, 1932.— Taf. 66, 80; *Gehrig U., Greifenhagen A., Kunisch N.* Führer durch die Antikenabteilung.— В., 1968.— Taf. 43, 67. В., 1968.— 43, 67.

² *Beazley J. D.* Attic Black-figure Vasepainters.— Oxford, 1956.— P. 118-122; *Beazley J. D.* Paralipomena. Additions to Attic Black-figure Vase-painters and to Attic Red-figure Vase-painters—Oxford, 1976.— P. 49.

³ *Beazley J. D.* Attic Black-figure...— p.108; *Горбунова К. С.* Кратер работы Лидоса из раскопок в Ольвии // СА.— 1964.— № 3.— С. 297—301.

⁴ *Горбунова К. С.* Указ. соч.— С. 297, 298.— Рис. 1.

⁵ *Горбунова К. С.* Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962—1971 гг. на участке Г о. Березань // Художественные изделия античных мастеров.— Л., 1982.— С. 39, 40; *Скуднова В. М.* Фрагменты чернофигурного кратера мастера Лидоса из Нимфея // СГЭ.— IX.— С. 45, 46; *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959—1969) // СГМИИ.— 1984.— С. 76, 77; *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945—1958 гг. // Археология и искусство Боспора.— М., 1992.— С. 173, 174.

⁶ *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии.— К., 1992.— С. 144, 145.

ОТ РИНДАКА ДО БОРИСФЕНА

Ю. Г. Виноградов

Более ста лет тому назад В. В. Латышев опубликовал надпись, которая по рукописному каталогу Одесского музея значится как ольвийская [IOSPE 1¹ (1885) 119]. С тем же самым комментарием «Nihil certo restitui potest nisi v. 4 ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡ[ΙΝ] и прорисовкой по эстампажу она вошла во 2-е изд. его Корпуса [IOSPE 1² (1916) 207] и с тех пор не только не переиздавалась, но и не привлекала ничего внимания. Между тем аутописия камня, хранящегося в ОАМ (инв. № 50374), позволяет прочесть и восстановить текст документа полнее и придти на этом основании к немало важным выводам о связях Ольвии с городами, прилегающими к Понту.

4 строки этой надписи вырезаны на фрагменте обломанной с трех сторон плиты белого мрамора, лицевая и оборотная стороны которой тщательно отполированы (высота 0,17, ширина 0,21, толщина 0,05 м). Разновеликие буквы, вырезанные без предварительной разлиновки очень глубоко и очень небрежно, имеют высоту 0,011—0,02, омикрон 0,011—0,016 м (рис. 1). В первой строке без труда восстанавливается демотикон граждан Тире (у альфы резчик ошибочно не дописал перекладины). В конце второй строки после *ρο* заметна вертикальная, слегка отклоняющаяся влево гаста от *επισιλονα*, что однозначно позволяет дополнить в строках 2—3 малоазийский

© Ю. Г. ВИНОГРАДОВ, 1994

Рис. 1. Прорисовка надписи из Ольвии.

гидроним Риндак. В итоге реконструкция сохранившейся части текста выглядит следующим образом:

— — — — — ΤΥΡ<Α>Ν[ΟΙ]
 [— — ΑΠΟΛΛ]ΩΝΙΑΤΑΙ ΠΡΟΣ ΡΥ[ΝΔΑ —]
 ΚΟΝ
 [ΤΩΙ ΔΕΙΝΙ — — — Ο] Υ ΜΝΙΜΗΣ ΧΑΡΙ[Ν]
 vacat

Таким образом, перед нами *titulus memorialis*, поставленный неизвестному ольвиополиту после кончины от имени ряда городов, возможно, наградивших его венками. Он должен быть сопоставлен с серией ольвийских посмертных декретов римского времени, содержащих в заголовке список городов, увенчавших того или иного выдающегося ольвиополита, из которых наиболее известно и наиболее полно по набору полученных наград постановление в честь Теокла, сына Сатира¹. Все эти города, как и у нас, были расположены по берегам Понта и Пропонтиды; исключение составляет лишь метрополия Ольвии Милет². Близка нашей по характеру и почетная надпись III в. до н. э. из Тиры, в которой неизвестный гражданин этого города увенчивается (из сохранившихся этниконов): ольвионолитами, кизикенцами и родосцами³. Последний памятник — самое раннее свидетельство о связях ольвиополитов с тирасцами, подкрепляемое другими эпиграфическими и нумизматическими источниками⁴.

Итак, если связи Тиры и Ольвии хорошо прослеживаются как минимум с раннего эллинизма, то взаимоотношения Аполлонии на Риндаке с полисом, расположенным на берегах Гипаниса и Борисфена, как и вообще с каким-либо понтийским городом, явились полной неожиданностью. История Аполлонии на Риндаке очень скудно освещена античными авторами, еще более бедно — надписями и нумизматическими источниками, поэтому обнаружение каждого нового, связанного с ней, эпиграфического свидетельства трудно переоценить. Город был расположен в Мисии, местности, населенной мигдонами, на полуострове, вдающемся в одноименное озеро Аполлонида (совр. Abulliond/Apolyont в Турции)⁵. Западнее города в озеро втекает и вытекает из него, впадая в Мраморное море восточнее Кизика, река Риндак, почему Аполлония и получила этот гидронимический детерминатив.

Обычно название города звучало как ΑΠΟΛΛΩΝΙΑ ΕΠΙ ΡΥΝΔΑΚΩ⁶ или ΠΡΟΣ (ΤΩ) ΡΥΝΔΑΚΩ⁷. Однако номинация, встреченная в нашей надписи, не должна смущать прежде всего потому, что вырезали ее не сами аполлониаты, а ольвиополиты, употребившие в данном случае другую параллельную форму. Так, например, соседняя Прусиада на Гипии именовалась обычно ΠΡ. ΠΡΟΣ (ΤΩ) ΥΠΙΩ или ΑΠΟ ΥΠΙΟΥ, хотя в одной боспорской надписи встречено ΠΡ. ΠΡΟΣ ΥΠΙΟΝ⁸. Никополь на Истре в надписях и на монетах именовался ΝΙΚ. ΠΡΟΣ ΙΣΤΡΩ то ΠΡΟΣ ΙΣΤΡΟΝ то ΕΠ ΙΣΤΡΩ⁹. Наконец, в одной эллинистической проксении из

Калхедона демотикон самой Ольвии следует дополнять [ΟΑΒΙΟΠΟΛΙΤΗΣ ΠΡΟΣ] ΥΠΑΝΙΝ¹⁰. Таким образом, ΠΡΟΣ + асс. *poinis thumini* было стандартной топонимической формулой.

Вопрос о времени основания Аполлонии на Риндаке и ее метрополии сложен, поскольку раскопок на территории города не производилось. Из Милета происходит единственный декрет Аполлонии, датируемый около середины II в. до н. э.¹¹, в котором повествуется о посольстве аполлониатов к милетянам с предложением возобновить исконное родство обоих городов, ведущее свое начало с тех времен, когда милетяне под предводительством Аполлона Дидимейского силой оружия покорили живших у Геллеспонта и Пропонтиды варваров и основали в этих местах несколько городов, в том числе и Аполлонию. В ответ на запрос послов Милет поднял свои архивы и признал, что полис аполлониатов действительно их дочерний выселок. Если признать эти сведения как исторический факт, устанавливается, что основание Аполлонии относится еще к первой волне милетского колонизационного движения в Пропонтиде, т. е. к первой половине VII в. до н. э.¹².

Однако этот вопрос не решается однозначно: уже первый издатель декрета обратил внимание на несколько романтический характер надписи, связав запрос аполлониатов со стремлением ви-финского царя Пруссия II, в державу которого входил полис, укрепить связи и авторитет Дидимского святилища¹³. Впоследствии подобная же инициатива была переложена на Аттала II на том основании, что Аполлония подчинялась якобы не Вифинии, а Пергамскому царству¹⁴. Наконец, милетское основание колонии просто отвергалось¹⁵. Наиболее содержательной кажется позиция Н. Эрхардта, который хотя и считает версию декрета весьма подозрительной, не исключает тем не менее возможности милетского происхождения аполлониатов как следствия по крайней мере вторичного основания, например, из Кизика¹⁶. Если это так, то засвидетельствованные ольвийской надписью контакты между тремя милетскими апоикиями: Аполлонией на Риндаке, Тирой и Ольвией нашли бы еще более убедительное объяснение в их родстве.

Для выяснения сути этих связей немаловажен вопрос о времени ольвийского документа, оставленного В. В. Латышевым без датировки. На первый взгляд может показаться, что по своей палеографии он должен относиться к римской эпохе. Однако уже сравнение его со структурой вышеупомянутых аналогичных надписей (прим. 1) показывает, что это не так: у тех список увеличивающихся городов всегда стоит в прескрипте, у нас он завершает текст, пропуская вперед лишь заключительную формулу с ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ¹⁷. Палеография IOSPE 1², 207 лежит в пределах переходного периода развития ольвийского шрифта от позднеэллинистического к раннеримскому. К этому периоду, датируемому в рамках второй половины II — первой половины I в. до н. э., относятся такие памятники, как: IOSPE 1², 35, 201, 222, 223; HO 27, 35—38, 46, 75 и др. Время это характеризуется сосуществованием лунарно-курсивных и угловатых форм букв. Наш памятник по сильно развитым формам *μ*, *π*, *σ* и *ι* и по общему крайне небрежному исполнению едва ли перешагивает рамки первой половины I в. до н. э., т. е. целиком относится ко времени вхождения Ольвии в державу Митридата.

Эпоха Митридата Евпатора, первым воплотившего в жизнь давнишнюю идею о создании панпонтийского единства¹⁸, характеризуется дальнейшим укреплением и развитием внутривосточных связей, прежде всего экономических, что наиболее наглядно прослеживается по массовой циркуляции во всем черноморском регионе монетариями митридатских типов¹⁹. В этих условиях становится вполне понятным появление таких документов, как наш или проксенический декрет в честь тирасца Нила, содействовавшего купцам, направлявшимся из Том в Ольвию²⁰.

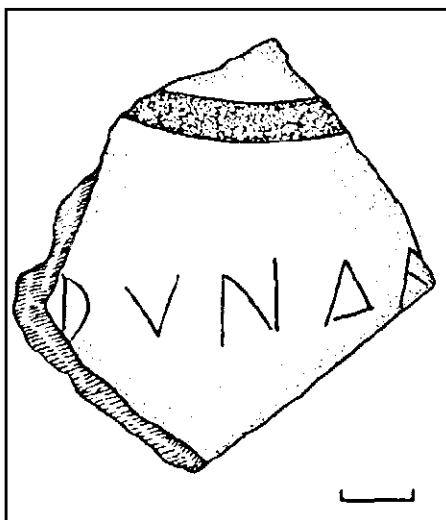

Рис. 2. Прорисовка шрифто с Березани.

Показательно, что со II в. до н. э. наблюдается подъем общественной и экономической деятельности Аполлонии на Риндаке, о котором свидетельствует вышеупомянутый декрет из Милета, назначающий благодарственные приношения (ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ) в Дидимы, а также начало в это время собственной городской чеканки²¹. Из Мисис через Аполлонию по Риндаку и далее через Босфор в Ольвию могли вывозиться металлы и минеральные красители, знаменитый корабельный лес с Риндака, о котором пишет Теофраст, а также, возможно, рабы-мигдонцы²².

Было бы неверным, однако, думать, что контакты борисфелитов с областью Риндака начались лишь в Митридатову эпоху. В 1975 г.

экспедиция Эрмитажа обнаружила на Березани граффито на фрагменте ионийского полосатого сосуда, датируемое по шрифту серединой — третьей четвертью VI в. до н. э., в котором без труда читается ΛΙ ΡΥΝΔΑ[Ε] или ΡΙΝΔΑ[ΚΟΣ] (рис. 2)²³. Судя по месту наложения на плечиках кувшина и по красиво исполненным буквам, это или дарственная надпись или, скорее, вотив. Принадлежало ли это имя жителю Борисфена (Березанского поселения)²⁴ или приезжему из Малой Азии ионийцу — оно недвусмысленно свидетельствует о столь рано налаженных контактах с теми местностями, где протекает и впадает в Мраморное море Риндак.

Привлечением и исследованием имен ΡΥΝΔΑ[Ε] ΡΥΝΔΑ[ΚΟΣ] мы обязаны Л. Роберу²⁵. Первый пример подобного имени был известен уже давно: оно стоит на одном надгробии из Афин начала IV в. до н. э.: ΑΙΣΧΥΛΟΣ ΡΥΝΔΑΚΟΥ ΚΥΖΙΚΙΝΟΣ²⁶. Надгробие поставлено свободному гражданину Кизика. Второй пример употребления подобного имени, но уже в среде рабов, обнаружен в надписи из Элевсина второй половины IV в. до н. э., где в списке фиаса среди 6 рабских имен без патронимиков стоит ΡΥΝΔΑΕ, что было удачно сопоставлено Робером с данными о продаже рабов из Мисии и Каппадокии²⁷. Если и в березанском граффито имя Риндак принадлежит выходцу из Кизика, то это новое подтверждение связей между двумя полисами, засвидетельствованных с архаического времени находками кизикских статеров в Нижнем Побужье²⁸.

В этой связи имеет смысл привести еще один пример аналогичного редкого имени. В коллекции Эрмитажа среди беспаспортных поступлений хранится мраморный фрагмент декрета, происхождение которого пока не удалось установить²⁹. Документ, датируемый по палеографии второй половиной VI в. до н. э., представляет собой наряду с известным постановлением в честь Мана из Кизика³⁰ древнейшую греческую ателию, а потому заслуживает отдельной публикации. В строке 2 этой надписи в качестве патронимика (или составляющего этникон гидронима?) восстанавливается имя ΡΥΝ[ΔΑΕ vel — ΚΟΣ] в соответствующем падеже.

Таким образом, разобранные на этих страницах надписи дают новые интересные сведения по проблеме единства греческих городов Понта.

Примечания

¹ IOSPE I², 40. Того же рода: IOSPE I², 41; HO 51 и неопубликованный фрагмент из раскопок в Ольвии экспедиции ИА АН Украины 1982 г. (руководитель участка В. В. Крапивина).

² Ср. *Vinogradov Ju. G. Olbia und Prusias am Hypios zur Severerzeit // Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino-Neapel*, 1984.— С. 457f.—Anm. 3—7.

³ *Фурманская А. И. // СА.— 1960.— 4.— С. 173—179; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира.— К., 1985.— С. 64 сл.— Рис. 23, уточняют дату.*

⁴ См.: *Виноградов Ю. Г. // ВДИ.— 1981.— № 3.— С. 70.— Прим. 131.*

⁵ Наиболее полное описание географического положения и природных богатств Аполлонии на Риндаке см.: *Robert L. A travers d'Asie Mineure.— Paris, 1980.— P. 89—98.*

⁶ *Strab.* 12, 8, 10; *Steph. Byz.*, s. v.

⁷ *Ptol.* 5, 2, 14; Head, *HN*² 521; SNG, v. Aulock, Index (1981), S. 26: *Milet* 1, 3, Nr. 155.

⁸ *CIRB* 55.9; ср. 953. 10, corr. *Vinogradov. Olbia und Prusias.— S. 459 f., Anm. 13.*

⁹ См.: *JGR* 11, S. 71.

¹⁰ *IvKalchedon* 4.13; Kubitschek: [ΟΛΒΙΑΝΟΣ ΤΩΝ ΠΡΟΣ] ΥΠΑΝΙΝ.

¹¹ *Milet* 1, 3, Nr. 155.

¹² *Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien.— Frankfurt-Bern-New York, 1983.— S. 246 ff.*

¹³ *Rehm A. Milet* 1, 3, S. 380 f.

¹⁴ См.: *Ehrhardt N. Op. cit.— S. 46 u. Anm. 312.*

¹⁵ *Seibert J. Metropolis und Apoikie. Diss. Würzburg, 1963.— S. 197—200.*

¹⁶ *Ehrhardt N. Op. cit.— S. 46 f.*

¹⁷ Не исключено, что изучаемый документ представлял собой посмертный декрет, завершившийся подобно IOSPE I², 38 указанием на увенчание или установку стелы «памяти ради».

¹⁸ См. об этом: *Шелов Д. Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ.— 1986.— № 1; Vinogradov Ju. G. Der Pontos Euxeinus als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Ceutri Historiae terra antiqua Balcanica II. Trinovi, 1987.— S. 65—737*

¹⁹ См. обзор литературы: *Golenko K. V.— Chiron* 3 (1973).

²⁰ *Stoian I. Tomitana.— Bucuresti, 1962.— S. 90 f.— Nr. 3-ISM. II. 5.*

²¹ *Ehrhardt N. Op. cit.— S. 44.*

²² *Robert L. Op. cit.— P. 89—98.*

²³ *Разрешение* опублікувати це зберігається в Ермітажі граффіто я об'язав начальнику експедиції и моему другу, ныне покойной, Л. В. Копейкиной.

²⁴ *Наименование* Березани ΒΟΥΥΣΘΕΝΗΣ вопреки ранее высказанным гипотезам ΘΥΩΡΑ-Βραγο; ΑΡΒΙΝΑΤΑΙ / ΑΡΒΙΝΝΑΙ — Яйленко) подтвердила происходящая из раскопок острова костяная пластинка VI в. до н. э.: Русаева А. С. // *ВДИ*.— 1986, № 2.

²⁵ Robert L. Eph. Arch. 1969.— S. 14—23; idem. Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucaresti-Paris, 1979.— S. 37 f.

²⁶ IG 11² 9096; E. Sittig. De Graecorum nominibus theophoris.— Diss. Halle, 1911.— S. 130; Bechtel, HP, 555.

²⁷ Robert L. // Actes du VIIe Congrès...— S. 38.

²⁸ Карышковский П. О. // *НЭ*, 2(1960).—С. 3—13; Булатович С. А. // *СА*.— 1970.— № 2.— С. 222—224 [— Golenko.— *Chiron* 5 (1975) 186, 237].

²⁹ *Надпись* любезно предоставлена в мое распоряжение И. И. Саверкиной, которой адресуется особая благодарность.

³⁰ *Syll*³, 4; Jeffery. LSAG, S. 372, Nr. 51, Taf. 72.

ОЛЬВІЯ І БОСПОР У ПЕРШІЙ ТРЕТИНІ II ст.

В. М. Зубар

Утворення в 110 р. провінції Дакія і перехід після смерті Траяна до політики оборони кордонів Римської імперії збільшило стратегічне значення не тільки Нижнього Подунав'я, але й античних міст Північного Причорномор'я, які розглядалися Римською адміністрацією як природні союзники. Саме з цим слід пов'язувати пересування на лівий берег Дунаю римських військ і розміщення в Тірі римської залози, яка у той час складалася з військовослужбовців V Македонського легіону¹.

Ольвія також не залишилася осторонь цього процесу. Нещодавно Ю. Г. Виноградов, проаналізувавши текст на мармуровій вставці в надгробку, дійшов висновку, що після другої Дакійської війни Траяна, десь між 106 і 111 рр., до Ольвії був надісланий військовий загін піхотинців, озброєних довгими щитами. Виходячи з грецького імені і патроніміка, він зробив висновок, що цей підрозділ було сформовано не з легіонерів, а солдат допоміжних (auxilia) або ірегулярних (numeri) військ². Враховуючи точку зору Ю. Г. Виноградова, можна дещо інакше розглянути написи із згадкою боспорців, знайдені в Ольвії.

Як відомо, з Ольвії походить три епіграфічні пам'ятки, де, як вважають дослідники, згадуються боспорці³. В. В. Латішев відніс їх до розділу меморіальних (tabula memoriales)⁴. Проте враховуючи, що переважна більшість написів з формулою ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, знайдених на Боспорі й у Херсонесі, були епітафіями⁵, ольвійські пам'ятки теж слід віднести до цієї групи. Крім трьох згаданих написів з боспорцями, які жили і вмирали в місті, мабуть, можна пов'язувати ще два надгробки. Це епітафія Ахіллу, сину Каллікла, поставлена Асфоруком, сином Караста⁶. Формула ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ в Ольвії зустрічається лише в надгробках боспорців, що, вірогідно, дозволяє і цей напис віднести до групи пам'яток, пов'язаних з ними. З Ольвії також походить двоярусна стела, у верхній частині якої було зображено померлого у вигляді героїзованого бородатого вершника, який стоїть перед хлопцем з собакою, а в нижній — «потойбічну трапезу»⁷. Ця пам'ятка аналогічна надгробній скульптурі Боспору I — початку II ст.⁸, що й дозволяє віднести її до групи надгробків боспорців з Ольвії.

Наявність в Ольвії розглядуваної групи надгробків дозволило дослідникам поставити питання про зв'язки цього античного центру з Боспорським царством у першій чверті II ст. М. І. Ростовцев, базуючись на них, вважав, що за часів правління Траяна Ольвія потрапила під протекторат боспорських царів, які надіслали для її захисту свої війська⁹. В. П. Яйленко не погодився з цим висновком і, слідом за Д. Б. Шеловим, відзначив, що ці надгробки можуть лише свідчити про зв'язки між античними державами¹⁰. На думку В. П. Яйленка, епітафії боспорців датуються